

Текст · 5 марта 2019, 04:48

Ольга Ромашова,

«Я лезгинку танцевала». Репрессированные и их родные вспоминают день смерти Сталина

66 лет назад, 5 марта 1953 года, умер Иосиф Сталин. Люди, пострадавшие от сталинских репрессий, рассказывают о том, что чувствовали в этот день — «Медиазона» публикует отрывки их воспоминаний, записанных проектом [«Мой ГУЛАГ»](#).

Эстер Дасковская: «Усатый накрылся»

Родилась в 1939 году в семье экономиста и преподавательницы. Ее отца [Абрама Дасковского](#) арестовали в 1950 году по доносу агента, которого он считал своим другом, обвинили в связях с США и приговорили к 10 годам лагерей по статьям 58–10 (антисоветская пропаганда) и 58–11 (контрреволюционная деятельность) УК РСФСР.

Ее мать [Тамара Дасковская](#) долго скрывала от Эстер арест отца и говорила, что он уехал в командировку. «Я сказала, что папа хороший, мама сказала, что вот за это его и посадили», — вспоминала Эстер. Через год маму приговорили к пяти годам ссылки по статье 7–35 (социально-опасный элемент) за связь с мужем. Она попала в лагерь в Красноярском крае, где работала в химсельхозе и преподавала языки местным детям. Вскоре туда переехала и Эстер.

Такой стон шел по деревне. Я вместе с детьми плакала в школе, и все стояли вот так (показывает воинское приветствие — МЗ) у портрета со слезами. Потом я пришла домой, а там стол накрыт. Все говорят: «Ура! Праздник большой! Усатый накрылся».

Мама мне ничего не говорила, кто это, что это, кто в чем виноват. Я понятия не имела. Только тогда, когда собрались в эти мартовские дни у нас все ссыльные и когда поставили бутылку и когда кричали: «ура!», и «слава богу, что он скончался!», и что «такой собаке вообще собачья смерть» — только тогда я поняла, что он плохой человек. Тогда мне все это мама объяснила. Кто такой папа, кто такой Джугашвили.

Ирина Крыжановская: «Мы плакали от страха»

Родилась в 1919 году. Крыжановская была в четвертом классе, когда, возвращаясь после школы домой, стала свидетельницей ареста отца. Его приговорили к восьми годам лагерей, а в 1937 снова судили по обвинению в шпионаже в пользу Польши и расстреляли. Еще восемь родственников Крыжановской также были расстреляны; добиваясь их реабилитации, в конце 1980-х она стала активной участницей общества «Мемориал». [Воспоминания Крыжановской](#).

Когда умер Сталин, мы плакали с мамой. Но мы его не жалели. Мы плакали от страха. Кто еще? Кто еще? Еще хуже будет!

Зоя Вискребенцева: «Мы, дуры, ревели в три ручья»

Родилась в 1924 году в Москве в семье инженера и врача. Первые классы Зоя училась в одной школе с детьми Сталина. Во время войны ее семья осталась в городе, отец из-за порока сердца работал в тылу. Он скончался вскоре после победы.

Вискребенцева еще до войны поступила в музыкальное училище, однако его эвакуировали, о музыке пришлось забыть, и Зоя нашла работу в лаборатории Института криминалистики МВД. В 1948 году ее арестовали по обвинению в измене родине (статья 58–1А УК РСФСР) из-за знакомства с сотрудником американского посольства — якобы она передавала ему секретные сведения. Молодой человек, с которым Зоя планировала свадьбу, после ареста отрекся от нее, опасаясь за свою карьеру в МИДе.

Была осуждена на 20 лет лагерей, провела почти восемь лет в мордовском Дубравлаге, где работала в швейном цеху по 14 часов в день. После смерти Сталина срок снизили до фактически отбытого, и в 1955 году она освободилась. Работала в Госкино, газете «Совершенно секретно» и передаче «Взгляд».

[Воспоминания Вискребенцевой.](#)

Даже в лагере, когда нам сказали, что он умер, мы все там, дуры, ревели в три ручья. Где-то нам вдолбили, что это самый-самый добрый, самый главный, самый хороший человек. Мы в лагере, он там умер, а что с нами? Вся страна плакала, и мы плакали. Наверное, от безвыходности. Он умер, когда еще был режим, его

режим, а потом его отменили. Самый дорогой человек кто? Дедушка Ленин, и отец родной Сталин. Как же не плакать? А все мы стадо баранов.

«Как ты думаешь, папа умер или нет?». Дети
пишут матерям в ГУЛАГ

У нас даже рабочий день был короче, такой полутраур. Нам прочитали сообщение в торжественной траурной обстановке, с такими скорбными лицами. У нас было очень много украинцев, бандеровцев настоящих, они на нас смотрели с улыбочкой: сидят, а плачут. Я плакала не то чтобы навзрыд, но у меня были слезы.

Когда я приехала домой обратно, когда я получила реабилитацию и когда я немножко стряхнула с себя этот тлен, который на мне был в Мордовии, я поняла, что что-то не так. После того, как он умер, у нас сняли этот дикий режим, сняли номера, сняли очень многие запреты. Уже лучше.

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

Вера Ковалевская: «Сдох»

Родилась в 1931 году в Ленинграде. Когда Вере было полтора года, ее отца Бориса Ковалевского, заведовавшего краеведческим музеем в Новгороде, арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности и стремлении к «сохранению культа». Он был осужден на 10 лет, после попытки побега из Ухтпечлага (он успел добраться до Ленинграда и повидать жену) отца перевели на Соловки с продлением срока. В 1935 году Вера приезжала с мамой к отцу в лагерь и две недели прожила с ним в тюремной камере. В 1937 году по решению «тройки» НКВД отца расстреляли в [Сандармохе](#). Окончила исторический факультет МГУ, доктор наук, изучала археологию Кавказа. [Воспоминания Ковалевской](#).

Я радовалась. Тогда трудно было не узнать [о смерти Сталина], потому что вся эта похоронная музыка каждый день. Я так и не знаю, на самом деле он умер в тот день, который объявлен [днем кончины], или раньше. Этого, по-моему, до сих пор никто не знает. Но в этот день я пошла в университет, как обычно, на занятия. У нас первая была лекция по истории партии. Проводил эту лекцию секретарь парторганизации этого факультета. Противный тип. Он вышел, сказал, [что Сталин скончался], по-моему, всхлипнул или зарыдал. Из разных мест зала раздались такие кликушеские рыдания. Потом он

сказал, что занятия он отменяет. Можете идти домой. Все разошлись.

«Мой ГУЛАГ» — это проект, над которым работают сотрудники студии визуальной антропологии Музея истории ГУЛАГа. Они записывают видеоинтервью с жертвами сталинских репрессий: узниками лагерей, детьми врагов народа, депортированными, раскулаченными. За эти годы по всей стране и за ее пределами были записаны более 200 интервью — только в 2018 году волонтеры и сотрудники «Моего ГУЛАГа» работали в Ингушетии, Чечне, Красноярске, Екатеринбурге, Республике Тыва, Новоуральске, Ярославле, Петербурге, Казахстане и Германии. Собранные воспоминания можно найти [на сайте](#) или [YouTube-канале](#) проекта.

Я боялась, что будет во время дележа власти предстоящего, но понимала, что хуже быть не должно. Тогда казалось, что будет Маленков. К Маленкову было отношение, что он мало в этом всем замешан. Хотя все, конечно, повязаны одним, но просто о нем как-то меньше было известно. У него был какой-то несколько интеллигентный вид.

Мы не ходили в эту Ходынку (когда хоронили Сталина, в районе Трубной площади возникла давка, официальные данные о жертвах [отсутствуют](#) — МЗ), но в день похорон пошли на истфак, пролезли куда-то на чердаки, чтоб сверху смотреть. Ничего интересного сверху не было. По телевизору потом показывали лучше. У меня было безусловное ощущение: «Сдох». Только такое. Таких человек на

истфаке было раз-два и обчелся. У моего мужа не было этого отношения, вряд ли я ему говорила «сдох». Но горя я не испытывала и не показывала никому нигде. Это тоже не было обязательным совершенно, незачем было рыдать, можно спокойно было разойтись.

Юрий Фидельгольц: «Шлепнут! Шлепнут обязательно!»

Родился в Москве в 1927 году. С подросткового возраста интересовался литературой и театром, в 1947 году поступил в ГИТИС, в это же время вступил в студенческий кружок. «Все мы были и поэты, и писатели, и мы вообразили, что мы декабристы не декабристы, но вольномыслящие!» — вспоминал Фидельгольц. Одного из его товарищей, [Валентина Соколова](#), вскоре арестовали, вслед за ним задержали и остальных.

В основу обвинения в участии в антисоветской группе (статьи 58–10 и 58–11 УК РСФСР) легли в том числе и найденные при обысках дневники Соколова и Фидельгольца. В протоколе следователь написал, что Юрий «имел контакт с отъявленными контрреволюционерами, озлобленными против советской власти».

Приговор: 10 лет лагерей, шесть из которых Фидельгольц провел в Озерлаге и Береглаге на Колыме. Валил лес, строил железную дорогу Тайшет-Братск и работал на фабрике по обогащению вольфрамовой руды. Освободился в мае 1954 года в связи с сокращением срока и еще два года прожил в ссылке в Караганде. После возвращения в Москву

работал конструктором-проектировщиком, писал мемуары, стихи и прозу, сотрудничал с обществом «Мемориал». [Воспоминания Фидельгольца](#).

Нас заперли. Три дня мы не выходили на работу. А потом погнали. Я тоже думал, лучше будет или хуже. Со смертью Сталина мы боялись, что будет ожесточение против антисоветчиков. Мол, Сталин умер, а это, может быть, и вы виноваты в этом. Шел разговор только, кто вместо него встанет. Если будет Калинин, дедушка он старый, с бородкой, он добряк! Он нас всех отпустит на все четыре стороны. А другие боялись: «Шлепнут! Шлепнут обязательно!».

Тамара Петкевич: «Я боялась прозевать»

Родилась в Ленинграде в 1920 году. Отца, «старого партийца», арестовали и расстреляли, когда ей было 17 лет. «На следующий день меня отсадили на последнюю парту», — вспоминала Тамара, ей пришлось самой обеспечивать двух младших сестер и тяжелобольную мать. Петкевич работала в артели и расписывала косынки. В 1940 году после замужества уехала вслед за супругом в ссылку во Фрунзе (сейчас Бишкек), где через три года и ее, и мужа арестовали по обвинению в контрреволюционной агитации (часть 2 статьи 58–10 УК РСФСР).

Приговор: 7 лет лагерей и конфискация имущества. Находилась в лагере Джангиджир в Киргизии, где была бригадиром на переработке [кенафа](#), из волокна которого делали материал для мешков и упаковок. «Эта работа самая жуткая, потому

что когда этот тростник проминался между двумя круглыми металлическими валами, то от него отлетали иголки... Тоненькие такие, из этой конопли, и они забивались вам всюду: в лицо, в рот, в волосы, в голову. Вы все время хотели избавиться от этого и не могли». После перевода в Севжелдорлаг в Коми работала на лесоповале, в огороде и пожарной части, играла в театральных постановках. В лагере у нее родился ребенок.

После освобождения в 1950 году была отправлена в ссылку, где снова вышла замуж; работала актрисой в театрах Шадринска, Чебоксар и Кишинева. В 1960 году после реабилитации вернулась в Ленинград, где окончила институт и работала заведующей репертуарным отделом в Доме художественной самодеятельности. Написала книгу «Жизнь — сапожок непарный», которая была издана в 1993 году. Воспоминания Петкевич.

Я лезгинку танцевала! Я танцевала самую настоящую лезгинку. Одна носилась по комнате. Я работала тогда в театре на Урале, и жила я в театре. Даже в общежитии не было места.

И вдруг услышала по радио. По радио за три дня стали говорить, что вождь заболел. Я схватилась за приемник, и я услышала в этой интонации [диктора] подготовку какую-то. И больше я не отрывалась от приемника.

ГУЛАГ для самых маленьких. Ясли и детские комбинаты, приемники-распределители, детские дома и зоны для малолеток

Шла за водой – в театре там надо было – я его сюда, под руку. Я боялась прозевать. И все было как распланировано: день за днем, день за днем. Все было понятно. Все подавалось по порциям. Готовили. Потом траурные сообщения: смерть.

Рыдали люди. Были просто истерики слезливые. А я не понимала: как можно? Тут же – митинг. Рыдающие люди выходили, захлебывались от рыданий. А я сидела в зале и удивлялась, думала: как это так? Они что, ничего не понимают, или что?

Константин Воловик: «Зеки шапки кидали кверху»

Родился в 1947 году в поселке Веселый Магаданской области, где его родители отбывали 25-летний срок по обвинению в измене родине из-за нахождения в плену во время войны. «Иосиф Виссарионович [про плен] говорил: "Должен застрелиться! Жить не должен!"» — Константин передразнивает акцент Сталина.

Детство провел в интернате на территории лагеря и даже не подозревал, что дети обычно живут с родителями. Мать видел лишь три-четыре раза в неделю. По его словам, дети боялись сотрудников лагеря, каждый из которых «убить не мог, а подзатыльник дать мог, и никто ничего не скажет».

Плакали, знаете, кто? Весь советский народ плакал! А мне другое запомнилось. Когда зеки на плацу шапки кидали кверху и говорили: «Слава богу, этот...». Кличка у него знаете какая была, у Сталина? Гуталинчик!

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

Александра Успенская: «Сели чайку пить да помянуть»

Родилась 1923 году, была младшей из четырех детей в семье крестьян-середняков из деревни Мегра, Ленинградская область. После 8 класса поступила в техникум и подрабатывала учительницей в школе. В 1943 году Успенскую арестовали по ложному доносу сына одной из коллег, который приписал ей свои критические замечания о советских плакатах. Получила 10 лет за антисоветскую агитацию (статья 58–10 УК РСФСР), освободилась после 8,5 лет в лагерях — Белозерск, Мончегорск, Челябинск-40, Норильск. Работала на лесоповале, была бухгалтером вещсклада. После освобождения

работала бухгалтером в Норильске, потом переехала в Москву. [Воспоминания Успенской](#).

Ой, вы знаете, как я любила Сталина! Когда он умер, я даже плакала. Он действительно был как отец родной. Так что Сталина я любила. А за что его было не любить-то? Он все же делал для людей много всего хорошего. Все жалели, что умер Сталин. Я не знаю, почему, но все были очень довольны, пока он руководил. И все жалели. Это, по-моему, было 3 марта. На работе. Мы потом не работали, сели чайку пить да помянуть. Вот и все. У нас-то такого не было, как в Москве — людей так давили, чтобы проститься с ним.

Владимир Тольский: «Ходил посмотреть на гроб»

Родился в 1932 году в семье военного инженера из числа старых революционеров. Когда Владимиру было восемь лет, отца арестовали по обвинению в халатности — следователи утверждали, что на должность начальника наркомата боеприпасов тот попал по рекомендации ранее арестованного троцкиста. Отца приговорили к 10 годам лагерей, но 30 июля 1941 года расстреляли. «Я так понял, что очищали "Бутырку"», — замечает Тольский.

Я тоже ходил посмотреть на его гроб. Поскольку я жил на Тишинских районах, я знал там все ходы и выходы. Мы вышли на Трубную площадь, вдруг сверху народ попер. Нас начало крутить. Мы с приятелем к краю, к краю, к краю, а все автобусами закрыто. Выйти некуда! И грузовики. Я дошел до грузовика и впрыгнул в кузов. И мой приятель

впрыгнул. Мы поняли, что надо удирать. Открылась какая-то щель, приехали медицинские машины, и мужики говорят: «Помогайте!». И мы таскали людей, которые в обмороке были. Помогали выйти в эту щель. Так я и не дошел никуда. На Трубной все кончилось.

Виталий Беликов: «Уголовники тоже кричали "Ура!"»

Родился в 1924 году в семье инженера. 18-летнего Беликова из оккупированного немцами Харькова отправили на принудительные работы в Германию, где он рыл траншеи и мастерил деревянные ящики для снарядов. В 1945 году он сбежал, пошел навстречу советской армии и вместе с ней дошел до Берлина. Отца, который во время оккупации Харькова помог немцам восстановить радиоузел, арестовали в 1946 году.

Беликов поступил в МИИТ в Москве, где в 1949 году уже его арестовали по доносу однокурсника и приговорили к 10 годам лагерей за антисоветскую агитацию (статья 58–10 УК РСФСР) — поводом для ареста стал рассказ о том, что в Германии нет коммунальных квартир. Наказание отбывал в Вятлаге, где работал в ремонтно-строительной бригаде и на пилораме, был счетоводом вещстола и конпарка. Через семь лет вышел на свободу, работал строителем в Клину. [Воспоминания Беликова.](#)

Я пришел с ночной смены в бараки. В это время, в семь часов, развод. Выходят все перед воротами, и проходная здесь. На каждом лагпункте такая штука.

Все побригадно выстраиваются. Стоит нарядчик, учетчик. Они по порядку выпускают, записывают, сколько [людей]. Там же конвой принимает дальше и ведут их в лес. Выстроили. А над воротами висит огромный такой репродуктор. Там радио работало. И вот пятого марта, еще ворота не открыли, а Левитан вдруг объявляет последние известия. Народ все стоит ждет тут, заключенные же вышли, на работу вести. Объявление, он таким тоном: «Пятого марта во столько-то часов скончался великий вождь народов Иосиф Виссарионович Сталин». 800 человек «Ура!» и стали шапки подбрасывать вверх.

А.Л.Ж.И.Р. Как жил лагерь в зоне посреди казахской степи, где отбывали свои сроки вдовы «изменников родины»

Начальник открыл ворота, а тут сразу закрыли ворота. Не знал, что делать. Уголовники тоже кричали «Ура!», потому что знали, раз такое, то обязательно будет амнистия, и все будет. Перемены будут обязательно!

Смотрю, начальник стоит, Чупраков его фамилия, старший лейтенант. Я подхожу, как обычно.

«Здравствуйте, гражданин начальник!» — положено так было. Он говорит: «Как же мы теперь будем жить?». Я ничего не ответил, пошел дальше.

Потом действительно была объявлена амнистия. Но амнистия только для тех, у кого срок был до пяти лет. А с политическими заключенными таких сроков ни у кого не было, поэтому они все остались. А вот уголовники-то все и пошли. Тут же сразу начались пересмотры дел. Особое совещание, десятилетникам по 58-й статье сразу давали справку о реабилитации.

Майя Драгунская: «Я отомщена»

Родилась в 1926 году в семье прокурора Азово-Черноморского края. В августе 1937 отца арестовали по обвинению в «контрреволюционном преступлении» и через год расстреляли. Мать осудили как жену «врага народа» и отправили в [Карагандинский лагерь](#) на 7 лет. О судьбе мамы Драгунская узнала из записки на кусочке ткани, которую та выкинула из окна поезда: «Выехала из Ростова. Еду эшелоном. Узнаю точно, напишу. Передайте детям. Берегите Карлушу и Майку». Из-за клейма дочери «врагов народа» долго не могла получить высшее образование. [Воспоминания Драгунской.](#)

Товарища Сталина застали лежащим на полу. Говорили, первым пришел туда Берия. Потом то ли писали, то ли сплетничали, но все знали, он упал, он лежал на полу, и Берия никого не вызвал. Неизвестно, может, он что подсыпал ему. Собаке — собачья смерть! Упасть и умереть лежа — мне достаточно, я отомщена.

Юлия Самородницкая: «А Иван Васильевич сегодня кофе не стал пить»

Родилась в 1932 году в семье московских врачей. Ее отца [Давида Самородницкого](#) арестовали в мае 1950 по обвинению в шпионаже и участии в националистической контрреволюционной организации и расстреляли. Окончив школу с золотой медалью, Юлия тоже попыталась поступить в медицинский вуз, но ее не приняли из-за того, что отец был под следствием. Ее мать, Бронислава Лаховская, работавшая врачом на заводе «Калибр», добилась зачисления дочери в Московский технологический институт легкой промышленности. В том же 1950-м мать была арестована и приговорена к ссылке в Красноярском крае. Юлия Самородницкая после окончания вуза работала специалистом планового отдела, а впоследствии стала экскурсоводом в музее истории ГУЛАГа. [Воспоминания Самородницкой](#).

У нас в квартире жил человек. Он был главный бухгалтер министерства здравоохранения, а жил в коммуналке с тещей. Я в шесть часов выхожу на кухню и говорю этой теще: «Клавдия Васильевна, а Сталин умер!». Она мне говорит: «Да?». Так спокойно.

Я говорю: «Ну да, вот только что передали по радио». Она говорит: «Вот видишь, какие дела. А Иван Васильевич сегодня кофе не стал пить».

Вот, 6 марта 1953 года. На другой день, как Сталин умер. Это письма, когда мама уже была в ссылке. Сами понимаете, как она была настроена по отношению к Сталину. Тем не менее она пишет: «Такое страшное горе, умер Сталин, мы тут все рыдаем вообще и плачем». Я когда это прочла, просто чуть со стула не упала! «Сегодня настроение очень плохое в связи со смертью великого вождя товарища Сталина. Я только что пришла с траурного митинга. Воображаю, как вы это переживаете. Будем еще лучше работать и этим докажем свою преданность. У меня ничего нового». А? Хорошо?

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

Лев Нетто: «Двое грузин лезгинку танцевали. Молча»

Родился в 1925 году в Москве. В 1940 году поступил в артиллерийскую школу, через три года его призвали на фронт пулеметчиком. В 1944-м после высадки в немецком тылу был ранен и попал в плен.

Его отправили разбирать развалины разрушенного бомбардировками Франкфурта-на-Майне. По воспоминаниям Нетто, в немецком лагере постоянно говорили, что не надо рваться в Москву, потому что

родного города «вы не увидите, вас ждет Сибирь», но его это не пугало.

В 1945 году Льва Нетто освободили американские войска, он решил вернуться в СССР и после «филътрации» продолжил службу на территории Западной Украины. Однако в 1948 году его обвинили в сотрудничестве с американской разведкой. Подвергался пыткам. Майор Федоров, который допрашивал Нетто, говорил, что «таких дураков нет, которые добровольно из американской зоны вернулись». «И под ребра начали давать. У майора любимый прием был — ладонью бить между ребер. А это очень больно», — вспоминал Нетто.

Был осужден на 25 лет лагерей за измену родине (статья 54.1Б УК РСФСР), попал в Горлаг в районе Норильска, где вступил в подпольную группу «Демократическая партия России» и летом 1953 года участвовал в одном из крупнейших восстаний заключенных за всю историю ГУЛАГа. На свободу вышел в 1956 году, вернулся в Москву, окончил МВТУ им. Баумана, работал в вычислительном центре Министерства судостроения. В 2013 году вышла книга его мемуаров «Клятва». Воспоминания Нетто.

Это у нас был радостный день, но радость не проявляли открыто. Можешь угодить в БУР, барак усиленного режима, или карцер. Я помню двух грузин, которые лезгинку танцевали. Молча. На них смотрели, видели, тоже радовались.

Антонина Телегина: «Сталин умер, а вы смеетесь»

Родилась в 1937 году в семье главного судьи подмосковной Каширы и начфина в тюрьме. Отец в августе 1941 ушел на фронт, попал в окружение, но сумел выйти из него и вернулся домой. Следующим утром его арестовали и отправили в Москву, а соседские мальчишки начали обзывать Телегиных предателями и фашистами. Отца осудили на 10 лет лагерей по обвинению в измене родине (статья 58-1 УК РСФСР), он оказался сначала в Казани, потом в Свердловске, а 20 июля 1942 года умер в тюремной больнице от болезней и недоедания. Реабилитирован в 1963 году.

Мы в школе были, и вдруг Сталин умер. У нас урок физкультуры был. Мы сидим хохочем, а преподаватель физкультуры говорит: «Вы что смеетесь?! Сталин умер, а вы смеетесь!». Мы так хохотали. Нам все равно было. Я домой пришла, говорю: «Мам, как мы-то дальше жить будем, Сталин умер». Мы решили, что без Сталина вообще!.. Везде Сталин. Он прямо руководит нашей жизнью. А она говорит: «Ничего, как жили, так и будем жить».

Вадим Туманов: «Ус хвост отбросил»

Родился в 1927 году на территории Украины. После переезда семьи на Дальний Восток окончил школу штурманов, служил в Тихоокеанском флоте. Был арестован в 1948 году по статьям о шпионаже, теракте и антисоветской агитации (статьи 58-6, 58-8 и 58-10 УК РСФСР). Попал в колымский Севвостлаг, откуда

восемь раз пытался бежать, после чего срок вырос до 25 лет лагерей.

Туманов рассказывал, что попал на Колыму в 1949 году в разгар «сучьей войны», противостояния между осужденными, сотрудничавшими с администрацией, и «ворами в законе». «Круги ада у Данте после Колымы напоминают мне трехзвездочный отель», — говорил он. Был освобожден со снятием судимости в 1956 году. После освобождения окончил курсы горных мастеров, организовал несколько крупных артелей по добыче золота, а в годы перестройки — кооператив по строительству автодорог в Карелии. Написал книгу воспоминаний «Все потерять — и вновь начать с мечты...».

Штрафные лагеря, где ты находишься в камерах, у тебя 25 [лет приговор] и никакого варианта выбраться. И тут умирает Сталин. Подходит майор Ванюхин, начальник отдела борьбы с бандитизмом и говорит: «Что, Туманов, гуляешь?». «Гуляю, гражданин начальник». Проволокой колючей [огорожен] дворик. Он [Ванюхин] так улыбается, у него интеллигентное лицо, несмотря на должность начальника отдела борьбы с бандитизмом. Улыбается и говорит: «Ус хвост отбросил». Сталин, значит, умер, на жаргоне. Они тоже все говорили на жаргоне.

Я так немножко одурел, говорю: «Гражданин начальник, вы что, серьезно?». Говорит: «Разве такими вещами шутят?». Я бросил гулять, влетел в камеру, оттолкнул этих надзирателей! И никто ничего не понимает, мне еще минут 15 гулять. Влетел и покричал там в волчки: «Сталин сдох!».

Все, естественно, понимали, что что-то должно случиться. Миллионы сидят в тюрьмах.

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

Татьяна Смилга-Полуян: «Улыбка от уха до уха»

Родилась в 1919 году в Москве. Ее отец Ивар Смилга-, старый революционер и высокопоставленный член ВКП(б), после смерти Ленина поддержал Троцкого, был исключен из партии и отправлен в ссылку. Через три года смог вернуться в Москву. Был арестован в 1935 году, Татьяне тогда было 15 лет. Следом арестовали и мать, Надежду Полуян. Обоих родителей расстреляли в 1937 году.

Через два года Татьяну тоже арестовали. На допросе ей предъявили слова, которые она произнесла в разговоре со студентом-медиком: «Если за границей узнают, что у нас сажают старых большевиков, как же мы будем делать мировую революцию?». По обвинению в участии в антисоветской группе (статьи 58-10 и 58-11 УК РСФСР) ее приговорили к 3 годам лагерей и 20 годам ссылки. Во время ссылки в Кимрах работала в местной газете и детском доме, а затем в Рязанской области — в совхозе и детском санатории. В 1958 году после частичной реабилитации вернулась в Москву. Активная участница общества «Мемориал» и одна из инициаторов установки Соловецкого камня.

В 2013 году вышла ее книга «Мой отец Ивар Смилга». [Воспоминания Смилги-Полуян](#).

Конечно, я от восторга не знала, куда деваться. Я боялась даже идти в корпус к детям. Я боялась, что у меня на лице написана улыбка от уха до уха. Я делала лицо скорбное.

Израиль Мазус: «Как напряглись все бараки!»

Родился в 1929 году в поселке Теплик под Уманью, Украина. В седьмом классе его вместе с приятелем на время исключили из школы из-за случайно разбитого бюста Сталина. В 1948 году Мазус поступил в МАТИ. На первом курсе присоединился к подпольной «Всесоюзной демократической партии». Вскоре его и еще восемь человек арестовали из-за неудачной попытки завербовать в организацию новых участников.

За антисоветскую агитацию и участие в антисоветской организации (статьи 58-10 и 58-11 УК РСФСР) был осужден на 7 лет лагерей. Попал в Вятлаг, где работал землекопом, плотником, диспетчером планового отдела и машинистом электростанции. После освобождения в 1954 году руководил постройкой крупных промышленных и военных объектов. В августе 1991-го участвовал в обороне Белого Дома, позже был сопредседателем Объединения репрессированных Москвы. Писал рассказы и повести. [Воспоминания Мазуса](#).

Вот это чрезвычайное сообщение — «Бюллетень о здоровье Сталина». Вы даже не представляете, как напряглись все бараки! Тех, кто приходили с работы, спрашивали: «Нет, еще не умер?». Как относились? Как к врагу!

Выстрел Дятлова. Восстание заключенных
Горлага после смерти Сталина

Мы пришли после ночной смены, легли. Было включенное радио, и вдруг голос Левитана. По первому слову, которое он произнес, что «наша страна понесла...» мы все встали! А потом стали кричать и аплодировать.

А потом все выбежали из бараков! Слава богу, у нас не было его бюста. А в некоторых лагерях Сталин стоял на площадках перед воротами. Так бросали веревки, надзиратели прятались в эти дни. Они не входили в зону по два-три дня. Что творилось в лагерях! «Ус умер! Ус умер!». Грузины до ста лет живут! Когда эта проблема обсуждалась: «Не, бесполезно!». Даже когда

он заболел! «Не, бесполезно, грузины живут до ста лет». Вот и он умер.

Людмила Хачатрян: «Ну как, ну умирает же?»

Родилась в 1929 году в Москве. После войны познакомилась с гражданином Югославии Радойцей Ненезичем, вскоре они поженились, однако брак был признан недействительным, а Хачатрян отчислили из ГИТИС за «связь с иностранцем». Когда в 1948 году 19-летняя девушка попыталась передать письмо своему возлюбленному через знакомую работницу итальянского посольства, ее арестовали. За «изменнические настроения» (статья 58-1А УК РСФСР) ее осудили на 8 лет лагерей. В Каргопольлаге она работала на лесоповале, потом попала в лагерь в Литве, оттуда в Вятлаг. В 1954 году отцу, который приехал в лагерь, позволили забрать дочь домой. Связаться с Ненезичем ей так и не удалось.

Воспоминания Хачатрян.

Каждый день мы радио слушали и каждый раз мы спрашивали у Евгении Соломоновны, выкрутится он или нет. Она же полугрузинка была, она с самого начала сказала: «Он не выживет!». Каждый день передают состояние его здоровья, и каждый день мы несемся к ней в лазарет спрашивать: «Ну как, ну умирает же?».

Эстонки-малолетки носились по лагерю и: «СССР! СССР! СССР!». Что такое? Вообще они глухонемые были, не разговаривали с нами. А тут: «СССР! СССР!».

Отловили одну и спросили. «Смерть Сталина спасла Россию».

Редактор: Егор Сковорода